

ОТНОС. ШВЕДСКИМ ИНТЕРВЕНТАМ В НОВГОРОДЕ

В настоящей статье мы не стремимся охватить всю совокупность вопросов, касающихся шведской интервенции в Московском государстве начала XVII века. Наша цель — показать, как была бита ставка интервентов на „добровольное“ соединение „независимого“ Новгородского государства с Швецией; как широкие слои населения Новгородской области, являясь частью русского народа, дали должный отпор инопатриным захватчикам.

* * *

Во время глубокого социально-экономического кризиса, охватившего Московское государство в конце XVI и начале XVII вв., шведские правители, так же, как и польские панвы, решили, что наступил удобный момент для вмешательства во внутренние дела Москвы в целях захвата части территории Московского государства. Но, если поляки начинали интервенцию под предлогом поддержки „законного“ претендента на царский престол, будто бы чудесным образом спасшегося царевича Дмитрия, под именем которого действовал их специально подготовленный агент, то шведы прибегали к другим методам. Подготавливая, а затем и осуществляя интервенцию, шведский король Карл IX, а после него Густав-Адольф, уделяли много внимания проблеме привлечения населения Новгорода и его пригородов на сторону Швеции и создания независимого от Москвы Новгородского государства. При удачном разрешении такой проблемы Швеция получила бы значительное усиление своих позиций в борьбе с Московским государством и могла рассчитывать, что потом ей очень скоро и легко удастся подчинить себе полностью это „независимое Новгородское государство“.

Получив осенью 1606 года известие о затруднительном положении, в которое попал царь Василий Шуйский, вследствие подъема крестьянского движения и появления нового самозванца, Карл IX пишет ему письмо, предлагая свою помощь. Не получив ответа, он не успокаивается и вновь неоднократно пытается убедить Шуйского воспользоваться шведскими войсками для борьбы с самозванцем и поддерживающей его Польшей, и с крестьянским восстанием. Одновременно он обращается с письмами ко всем русским и к воеводам ряда городов с призывом остаться верными Шуй-

скому и вести борьбу с Польшей, выставая при этом себя бескорыстным другом русского народа.

Такая политика Карла IX объясняется тем, что в это время Швеция вела против Польши войну, и, если бы последней удалось вновь посадить на русский престол своего ставленника, она смогла бы все ресурсы Московского государства использовать в борьбе со Швецией. Поэтому Карл стремится втянуть Московское государство в войну с Польшей и этим самым добиться ослабления обоих своих противников. Но в то же время он действует и в другом направлении.

В инструкции от 1 октября 1606 года наместникам пограничных с Московским государством городов он предписывает начать переговоры с новгородцами о восстановлении былой независимости Новгорода и обещать им в этом деле помощь Швеции¹⁾. В новой инструкции от 24 октября того же года Карл дает указание всеми мерами создавать из русских бояр шведскую агентуру: „надо пользоваться временем смут в России, ибо пока между русскими нет единства, нетрудно составить себе там партию приверженцев и через них действовать в свою пользу. Не упускайте поэтому случая переманивать на нашу сторону сколько возможно больше русских“²⁾.

Мы не располагаем данными о том, как выполнялись эти инструкции, но во всяком случае работа в этом направлении велась, и, судя по событиям 1611 года, дала кой-какой результат.

Во второй половине 1608 года Василий Шуйский вынужден был прибегнуть к помощи Швеции, и на основе договора, заключенного в Выборге в феврале 1609 года Скопиным-Шуйским, восьми-тысячный отряд шведского войска под командованием Де-ла-Гарди, вместе с отрядом Скопина, двинулся на помощь Москве, осажденной вторым самозванцем.

За эту помощь Шуйский отдавал Швеции г. Карелу и обязывался выплачивать шведским войскам по 100 тысяч ефимков в месяц³⁾.

Приближение отряда Де-ла-Гарди и Скопина, успешные действия Шереметева, собравшего в Поволжье значительный отряд войска, разлад в Тушинском лагере, — все это заставило самозванца в марте 1610 года снять осаду Москвы. Но все же шведские войска не спасли от падения правительство Шуйского. Во время сражения с польским гетманом Жолкевским под селом Клаушиным, 24 июня 1610 года, в решающий момент боя шведские наемные войска изменили и перешли на сторону поляков, чем вызвали поражение русских. Клаушинское поражение открыло Жолкевскому путь к Москве и имело решающее значение для Василия Шуйского. Помещики и бояре, видя, что Шуйский не в состоянии спра-

¹⁾ Форстен Г. В. Политика Швеции в смутное время. Ж. М. Н. Пр. 1889 г. Февраль. Стр. 337.

²⁾ Там же. Стр. 334.

³⁾ Аяты Иср. Т. II, 258.

виться с крестьянской войной и польской интервенцией, сбрасывают его с престола и, немного погодя, заключают с Жолкевским договор об избрании на царский престол польского королевича Владислава. Тем временем Де-ла-Гарди с теми из своих рейтар, которые не перешли на постоянную службу к полякам, двинулся к Новгороду, предупредив новгородцев, что рассчитывает дать возможность своим солдатам отдохнуть в Новгороде и дожидаться подкрепления из Швеции, „с которым ему возможно было бы вновь служить великому князю“¹⁾. На самом же деле Де-ла-Гарди действовал согласно инструкции Карла IX от 30 июня 1609 года, по которой ему предписывалось в случае поражения Василия Шуйского захватить Новгород и во что бы то ни стало удержать его в руках шведов. Но в Новгороде разгадали намерения Де-ла-Гарди, так как его войска не только изменили под Клушиным, но и по пути к Новгороду разоряли села и деревни. „А Яков Пунтусов пошел царского величества отчине к Великому Новгороду жгучи и воюючи и людей бесчисленно в плен смючи“²⁾ — читаем мы в наказе Мезецкому.

Поэтому, по словам самого Де-ла-Гарди, „новгородцы же, узнав о приближении графа Де-ла-Гарди, послали ему сказать, что его и войска его знать не хотят, что они его будут подбивать только порохом и пулями, приказывая ему не подступать к Новгороду ближе, чем на десять миль и отправиться через Тихвин в Выборг“³⁾.

Встретив такой отпор новгородцев и не имея достаточно сил для открытого захвата Новгорода, Де-ла-Гарди двинулся дальше. Ему удалось взять Ладогу,⁴⁾ но попытки захватить Орешек и Карелу окончились неудачей⁵⁾.

Перезимовав в Финляндии и получив от Карла IX подкрепление вместе с приказом овладеть Новгородом, весной 1611 года Де-ла-Гарди вторгается на территорию Новгородской области, вновь осаждают Карелу и безуспешно штурмуют город Орешек, после чего направляется к Новгороду. Для того, чтобы замаскировать истинные цели выступления Де-ла-Гарди, Карл IX пишет письма в Новгород и под Москву руководителям первого ополчения, в которых лицемерно объясняет посылку шведских войск к Новгороду ни чем иным, как выполнением Швеции ее обязательств по Выборгскому договору и „помощи“ Московскому государству.

¹⁾ Сб. Р. Ист. общ. Т. 24. Стр. 222.

²⁾ Князь Д. Ив. Мезецкий стоял во главе посольства, посланного в Осташков в 1615 г. для заключения мира с Швецией. Посольство получило обстоятельный „наказ“, который хранится в ГАФКЭ. Шв. д. 1615 г. № 8.

³⁾ Эти слова Де-ла-Гарди произносил на съезде по заключению мира с русскими они записаны голландскими посредниками. См. Сб. Р. Ист. общ. Т. 24. Стр. 222.

⁴⁾ Ладога была очищена от шведов в начале 1611 г. отрядом новгородцев под командованием Ив. Сзатыкова.

⁵⁾ Хотя г. Карела и была уступлена Швеции по Выборгскому договору, но фактически передан Швеции не был, так как Карельские усадьбы и новадские люди не

В свою очередь и Де-ла-Гарди посылает целый ряд писем к новгородским воеводам¹⁾. К сожалению, содержание их не опубликовано. Эти письма оказали некоторое впечатление на новгородские власти во главе с Иваном Никитичем Большим-Одоевским. Они решают вступить в переговоры с Де-ла-Гарди и посылают к нему навстречу своих представителей²⁾, но никакого соглашения достигнуто тогда не было.

В мае в Новгород прибывает посланный Ляпуновым воевода Василий Бутурлин с заданием заключить со шведами договор на подобие Выборгского. Де-ла-Гарди охотно согласился оказать своими войсками „помощь“ Ляпунову, но потребовал за это, помимо г. Карелы и денег, которых будто бы не доплатил его войску Василий Шуйский, еще присоединения к Швеции ряда русских крепостей³⁾.

Тогда Бутурлин выдвинул проект об избрании на русский престол шведского королевича; Де-ла-Гарди его принял и, выработав вместе с ним предварительные условия этого избрания, послал их под Москву в ополчение Ляпунова⁴⁾. Совет ополчения согласился с избранием одного из двух сыновей Карла IX царем „всей Руси“, приговор о чем был прислан Бутурлину с указанием вести дальнейшие переговоры с Де-ла-Гарди. О таком решении прямо говорится в наказе Мезецкому: „И к боярам под Москву прислал о том Яков Пунтусов от себя посланцев оманом, что будто государь его дает на Московское государство из двух сынов своих королевича, которого похотят, а его будто государь его прислал на оберегание новгородских мест от польских людей, добродотая Московскому государству. И бояре, поверя Якову, чая в нем правды, в Новгород приговор за руками (подписанный, — примечание мое) послали... велели о том с Яковом говорить чашнику и воеводе Василью Бутурлину“⁵⁾.

Здесь следует остановиться на том, чем было вызвано такое решение совета первого ополчения. Прежде всего отметим, что оно могло быть принято только представителями дворянской части ополчения, так как казачество относилось к шведам враждебно, помня, как расправлялся с крестьянско-казачьими отрядами Де-ла-Гарди, когда шел на помощь В. Шуйскому. Возможно, что одной из при-

захотели превратиться в подданных шведского короля; и, когда в Карелу была послана комиссия воеводы Федора Гулкова и новгородского дьяка Ефима Теленина для передачи ее шведам, они „в Карелу заперлися“ и не впустили ни шведов, ни комиссии. Ак. Ист. Т. II. Стр. 307.

¹⁾ С 20 февраля и по 9 июля 1611 г. Де-ла-Гарди послал в Новгород 18 писем. См. опись архива гр. Де-ла-Гарди, Ученые Зап. Юрьевск. ун-та. 1894 г. № 2. Работа В. Корда.

²⁾ См. речи пленных немцев, от 11 апреля 1611 г. Акты А. Э. Т. II. № 186.

³⁾ Об этом свидетельствует отрывок проекта договора новгородцев с Де-ла-Гарди, напечат. в А. А. Э. Т. II. № 187.

⁴⁾ Сб. Р. И. общ. Т. 24. Стр. 256.

⁵⁾ ГАФКЭ. Шв. д. 1615 г. № 8, л. 144.

чин убийства казаками Ляпунова послужила его ориентация на шведов.

Во вторых, по отношению к крестьянско-казачьей части ополчения Ляпунов проводил ярко выраженную дворянскую политику, о чем свидетельствует приговор ополчения от 30 июня, и для него было важно опереться при этом на шведские войска.

В третьих, для многих дворян в ополчении Ляпунова могло казаться невозможным одновременно очищать Москву от поляков и давать вооруженный отпор шведам, в связи с чем они пошли на заключение союза с одним из агрессоров, чтобы успешно бороться с другим.

Приговор ополчения был получен в Новгороде, вероятно всего, в первых числах июля, когда Де-ла-Гарди подошел к самым стенам Новгорода, расположившись лагерем у Духова монастыря, а солдаты его отряда под предлогом сбора продовольствия занимались грабежом населения окрестных сел и деревень.

Посмотрим, как же относились различные группы населения Новгорода к действиям шведов и переговорам о заключении договора с Де-ла-Гарди. О позиции новгородских воевод и верхушки дворянства III новгородская летопись говорит так, что с приходом к Новгороду Де-ла-Гарди князь Одоевский „собра вся воя, и нача думати с прочими князи новгородскими и с бояре старейшими, и всячески исмышляя, и обретеся розньство в воеводах и боярах, не похотеша друг другу помогати, не сташа за Великий Новгород, и сего ради несосветства князь Иоанн Никитич бысть в недоумении и размышлении великом, убоясь стати в лице против немецкого воеводы“¹⁾.

Новгородские купцы, по словам той же летописи, продавали шведам продовольствие и товары. Отсюда видно, что большинство Новгородской знати стояло за соглашение со шведами. К этому ее побуждали, в основном, те же соображения, которыми руководствовался и Ляпунов, но с некоторым, так сказать, местным колоритом. В это время в Новгороде, как и в других местах Московского государства, классовые противоречия проявлялись в очень острой открытой форме вплоть до вооруженной борьбы. Так, осенью 1608 года происходит восстание против Скопина-Шуйского, которому даже пришлось на время бежать из города. Спустя несколько месяцев Новгород был осажден казачьим отрядом Керназицкого. В соседнем Пскове власть еще находилась в руках ремесленников, которые ее захватили еще в результате восстаний 1608—09 гг., а бежавшие из Пскова в Новгород „лутшие люди“ дворяне и купцы²⁾ безусловно подталкивали новгородцев на заключение союза с шведами, рассчитывая при помощи их подавить

восстание псковских ремесленников³⁾. Помимо этого сам Василий Бутурлин, завербованный Де-ла-Гарди, изменил родине и стал шведским шпионом. Об этом свидетельствуют следующие факты. После взятия Новгорода шведами, по словам летописца, Де-ла-Гарди отметил его службу тем, что „Василия же Бутурлина весь живот (и имущество, примеч. мое) сыскаша и послаша ему на Бронницы“⁴⁾.

Далее, во время посольства Киприяна в Москву (об этом посольстве смотрите в конце статьи) Киприян в распросе, отвечая на вопрос, есть ли у шведов лазутчики, заявил: „и на что больше того лазутчества, что Василий Бутурлин, как стояли на Бронницах боярин и воевода Дмитрий Тимофеев Трубедкой, да окольничий князь Данило Мезетцкий, да Василий Бутурлин, и Василий з Бронниц в Новгород с Яковом Пунтусовым о всяких вестях про Московское государство сыскался, и Яков им всем про то вслух говорил и грамотки казал“⁵⁾.

Наконец, Бутурлин бежит в Швецию, о чем свидетельствует письмо шведского фельдмаршала Гюлленштейна от 23 мая 1617 года русским послан в Столбово⁶⁾.

Как же относились к шведам новгородские ремесленники и крестьяне? В той же Новгородской летописи находим такие слова: „овии же суровии чловецы, пиюще и упивающесе, друг друга утешаху и шатанию дерзости прилагаху и глаголаху: „не устрашайте немецкого нашествия, сему граду нашему взяту от них не быти, и людей во граде нашем множество, — и паки пиани на град лазяще и ругающесе образом бестыдным досаждающе немцам“⁷⁾.

Но отношение масс к шведским захватчикам не ограничивалось только угрозами, а выражалось и в вооруженном отпоре. По словам, сказанным Де-ла-Гарди на съезде в Полонове, когда шведы под Новгородом посылали отдельные отряды в село за продовольствием, то „казаки и стрельцы, которые высылаемы были тайным образом из Новгорода, их убивали или увозили в город“⁸⁾.

Об этом свидетельствует и Шаум; „а 12-го июля“, пишет он, „новгородцы сделали самую сильную вылазку и хотели побить солдат наших, которые отряжены были для необходимой фуражировки“⁹⁾.

При таком отношении широких масс населения к шведам ни Бутурлин ни Одоевский не решились на открытое заключение договора с Де-ла-Гарди. Надо было поставить новгородское население в такое положение, когда оно не могло бы силой оружия

¹⁾ О том, что при переговорах с Де-ла-Гарди ставился вопрос о походе против Пскова и Ивангорода, где тоже власть была в руках ремесленников, говорит участник взятия Новгорода М. Шаум. Чтения Моск. общ. И. и Др. Р. 1847—48 г. Кн. 2. Стр. 21.

²⁾ ГАФКЭ. Шв. д. 1615 г. № 2, л. 11—12.

³⁾ Учен. Зап. Юрьевск. ун-та. 1896 г. № 4. Стр. 74—5.

⁴⁾ П. С. Р. А., т. III. Стр. 265.

⁵⁾ Сб. Р. Ист. общ. Т. 24, Стр. 227.

⁶⁾ Чт. М. общ. И. и Др. Р. 1847—48 гг. Кн. 2. Стр. 22.

¹⁾ П. С. Р. А., т. III. Стр. 265

²⁾ См. Псковскую летопись.

сорвать подготовляемую сдачу. Поэтому В. Бутурлин, Одоевский и Де-ла-Гарди вырабатывают план оформления договора в момент сдачи Новгорода шведам. О наличии такого плана говорит нам самый ход событий. На рассвете 16 июля Де-ла-Гарди принимает штурм Новгорода; его отряд, почти не встречая сопротивления, проникает в город через услужливо открытые Чудинские ворота. Бутурлин, вместо того, чтобы дать отпор шведам, переходит со своим отрядом на Торговую сторону, грабит посад, а затем покидает город, захватив с собой стада новгородцев. В свою очередь воевода Одоевский и митрополит Исидор, имея возможность выдержать длительную осаду в хорошо укрепленном Кремле, не делают к этому ни малейшей попытки и, воспользовавшись тем, что теперь уже новгородские низы не могли им мешать, оформляют договор с Де-ла-Гарди и тут же впускают его в Кремль¹⁾.

Но все же внутри города, несмотря на предательство Бутурлина, часть новгородцев оказала шведам упорное сопротивление. Вот как об этом говорит Новгородская летопись: „голова стрелецкий Василий Гаютин, да дьяк Афиноген Голенищев, да Василий Орлов, да атаман казачей Тимофей Шаров, да с ними же сорок человек казаков, те помроша вкупе, многою статьею их немцы прельщашу, чтобы они сдались, они же не сдашася, все помроша за православную веру. Протопопу же Софийскому Аммосу, запершуся в своем дворе с своими советники, и бьющеся с немцами многое время, и много немец побил, немцы же многжды ему говорили, чтоб он сдался, он же отнюдь на их словеса не уклонился... немцы же, видя такое его жестокое стоятельство, приидоша всеми людьми и зажгоша у него двор, и сгорел он со всеми, ни единого не взяша живого“.

Эти факты героического сопротивления новгородцев, отсутствие у Де-ла-Гарди осадной артиллерии и острый недостаток продовольствия в его лагере²⁾, говорят за то, что ему ни в коем случае не удалось бы взять Новгород, если бы не стремление новгородской знати заключить с ним соглашение.

Обратимся теперь к рассмотрению самого договора. По своему содержанию он делится на три части. В первой, являющейся основной, говорится о решении новгородцев, действующих в согласии со всеми людьми Московского государства, избрать русским царем шведского королевича, и формулируются основные условия избрания. Этим условиями предусматривается установление протектората Швеции над Московским государством, что видно из следующих пунктов: „могущественный король Карл Девятый и его наследники примут нас и Русского государства всякого рода лю-

¹⁾ Несомненно, что договор был написан до начала штурма. Шведский историк Видекинд полагает, что договор новгородцев с Де-ла-Гарди был заключен 11 июля. Это также подтверждает наше положение, что о штурме и сдаче Новгорода Бутурлин с Де-ла-Гарди договорились предварительно.

²⁾ См. у Шаума. Чт. М. общ. И. и Др. Р. 1847 — 48 г. Кн. 2. Стр. 25.

дей под свою защиту и управление“... и далее: „в судебных местах будут сидеть столько же бояр, дворян и дьяков от Российского государства, сколько и от Шведской короны“. Но в то же время договором охраняются интересы духовенства, боярства и дворянства. „Они (т. е., духовенство) должны жить и служить по-прежнему, относиться к ним должно согласно их сану, а земли, принадлежащие монастырям и церквям, от них не отнимать и не передавать никому другому во владение“. „Бояре, дворяне, боярские дети, стрелецкие и казацкие головы, атаманы и казаки, вместе со всякого рода ратными людьми, получившие за свою службу от прежних великих князей вотчины или землю, а также годовое жалованье деньгами, все эти бояре, дворяне, дьяки, боярские дети и всякого рода воинские чины — сохраняют свои вотчины, земли и жалованье... Вообще мы должны жить в наших родовых и жалованных поместьях, в наших домах, получать свои доходы и по-прежнему управлять нашими крестьянами“. И, наконец: „слуги, которые ранее служили боярам, как крепостные и всякого рода челядь, не должны получать свободу“. Если мы учтем, что в это время продолжалась еще крестьянская война против крепостничества, то нам станет ясно, что этот договор направлен острием против крестьянского восстания и аналогичен договору, заключенному московскими боярами с Жолкевским. Но помимо этого в договоре нашла отражение и задача борьбы с польскими интервентами, так как попытка московских бояр воспользоваться польскими войсками для подавления крестьянской войны, не удалась. Поляки, вступив в Москву, показали себя обыкновенными завоевателями; они открыто грабят купцов и посадских людей, а польский король Сигизмунд распоряжается землями русских бояр и дворян как своей собственностью, раздавая их своим сторонникам. Поэтому в договоре имеется пункт о совместной борьбе Карла IX и Московского государства „против нашего общего врага“ — Польши и Литвы.

Любопытно, что печальный опыт с поляками учтен только в области охраны боярских и дворянских земель. „Если же кто из людей Шведской короны или иностранцев будет служить русскому государству, эти люди, с согласия бояр и воевод, должны быть вознаграждены соразмерно их заслугам и мужеству, но не из имений монастырских и церковных, а также не из земель бояр и всякого рода ратных людей (разрядка моя), но обеспечены поместьями и оброчными землями, как е. г. д. их удостоит“.

Во второй части определяется порядок управления Новгородом до того, как на русский престол будет возведен сын шведского короля. Согласно этому власть будет находиться в руках Де-ла-Гарди и марионеточного „правительства“ во главе с митрополитом Исидором и боярином И. Н. Одоевским: „боярин и воевода Яков Пунтусович Де-ла-Гарди должен править Великим Новгородом, советуясь со мною, митрополитом Исидором, и с бояри-

ном и воеводою князем Иваном Никитичем Большим-Одоевским, вместе с его приближенными". В конце имеется небольшая, но весьма существенная оговорка о том, что „этот договор должен вечно и непарушимо соблюдаться могущественным королем Карлом и его наследниками, а также Шведской короной и Новгородским государством и их потомками, даже в случае, если Владимирского и Московского государства всякого звания люди не захотят соединиться с Новгородским государством¹⁾).

Таким образом, этой оговоркой предусматривалось образование Новгородского государства, находящегося под протекторатом Швеции в том случае, если „люди Московского государства“ откажутся признать своим царем шведского королевича. Легко заметить, что эта часть договора соответствует инструкции Карла IX от 1-го октября 1606 года.

Подводя итоги обстоятельствам сдачи Новгорода и заключения договора, мы отмечаем, что новгородская знать вместе с дворянской частью ополчения Ляпунова, идя навстречу агрессивным планам шведов, допустила крупную историческую ошибку. Она не учла, что уже весной 1611 года стихийно складывался единый фронт борьбы всего русского народа против иностранных захватчиков, и вместо укрепления фронта, вместо сплочения всех сил народа, пошла на сделку с одним из агрессоров, рассчитывая при его помощи подавить восстания крестьян и ремесленников и тем самым, из-за своих узко-классовых интересов, принесла в жертву интересы обще-национальные.

Но ход исторических событий очень скоро показал новгородским землевладельцам и купцам их ошибку, и тогда большинство из них меняет свою позицию и включается в общую борьбу всего народа против шведских интервентов.

* * *

После заключения договора с новгородцами шведы, преодолевая упорное сопротивление защитников, к началу 1612 года взяли города Ям, Копорье, Ивангород, Гдов, Орешек и Ладогу. Карела была взята незадолго до занятия Новгорода. Следует отметить, что помощник Де-ла-Гарди Эверт Горн осаждал Ивангород полгода. Еще дольше защищался Орешек и сдался только тогда, когда из всех защитников на ногах осталось только два человека²⁾. Попытки же захватить Псков окончились неудачей.

Расширяя оккупированную территорию, Де-ла-Гарди в то же время стремится, чтобы шведский королевич был избран русским царем на соборе, собравшемся в 1612 году в Ярославле. В этом деле ему усиленно помогает новгородская знать, для которой очень важно, чтобы во главе государства оказался бы ее ставленник.

¹⁾ Цитирую по договору, опубликованному в V-вып. Сб. Новг. Общ. Люб. архив. Стр. 3—11.

²⁾ Лыжин Н. П. Столбовский договор и переговоры, ему предшествовавшие. Стр. 7.

Но, несмотря на некоторое сочувствие, проявленное к такому плану частью воевод второго ополчения, все попытки посадить на русский престол шведского королевича были разбиты мощным подъемом национально-освободительного движения.

Не зная о состоявшемся избрании Михаила и получая обнадеживающие сведения от Де-ла-Гарди, Густав-Адольф, который стал шведским королем в 1611 г. после смерти своего отца Карла IX, посылает брата Карла-Филиппа в Выборг, где предполагалось оформить с послами от всего Московского государства договор об избрании Карла-Филиппа русским царем.

Но Густав-Адольф предвидел возможность, что в Выборг придут послы только от Новгорода, и что в Москве не пожелают присоединиться к новгородцам. В таком случае он предписывал своим послам, сопровождавшим Карла-Филиппа, заявить новгородцам, что „королевич на одно Новгородское государство не пойдет“, и добиться от них согласия на унию Новгородского государства со Швецией на условиях „как Литва с Польшей“¹⁾.

Как мы видим, после занятия шведами Новгорода они уже не довольствуются образованием „независимого“ Новгородского государства, а хотят добиваться полного включения его в состав Швеции. Надо полагать, что Густав-Адольф, учитывая наличие в Новгороде шведских войск и предыдущие действия новгородской верхушки, считал вполне возможным заставить новгородцев „добровольно“ принести присягу Шведской короне. На основе этого указания Густава и действовали его послы, поскольку в Выборг послы от Московского государства не явились, а полученные шведами известия говорили об укреплении правительства Михаила Романова. Поэтому переговоры в Выборге по существу велись не об избрании королевича русским царем, а о „добровольном“ присоединении „Новгородского государства“ к Швеции.

Уже на первой аудиенции, данной Карлом-Филиппом 28 августа, уполномоченный Густава-Адольфа Индрик Горн в ответ на просьбу новгородцев о том, чтобы Карл-Филипп приехал в Новгород, заявил, что Карл-Филипп поедет в Новгород только тогда, когда в Выборг придут послы от всего Московского государства просить его на царский престол.

В конце аудиенции послы стали требовать от новгородцев, чтобы они клятвой и собственноручной подписью подтвердили свою верность договору с Де-ла-Гарди. Но, по всей вероятности, формулировка присяги была такая, что давала шведам, при случае, толковать ее как признание государем Новгорода шведского короля. Поэтому „бургомистр“ Новгорода Иголкин заявил решительный протест: „о какой клятве тут идет речь, уж не намерены ли

¹⁾ Инструкция Густава о ведении переговоров в Выборге опубликована в Действ. Ниж. арх. ком. Т. XIV.

шведы подчинить русских своей короне? но русские так же мало желают отдаться Швеции, как и подчиниться Польше" ¹⁾).

На следующей аудиенции Индрик Горн потребовал от новгородцев новых полномочий. Надо полагать, что содержание их должно было заключаться в предоставлении права послам вести переговоры об унии Новгорода со Швецией. Поскольку таких полномочий Киприян не имел, то в Новгород им был послан с соответствующей грамотой член посольства торговый человек Томила Пристальцев. Пристальцев с ответом от митрополита и Одоевского вернулся в Выборг 2 января 1613 г., но шведские уполномоченные прежде, чем допустить его к Киприяну, привели в свою резиденцию Вышгород ²⁾. Там на него сумели соответствующим образом воздействовать, после чего он заявил новгородскому посольству, „что с ним милый приказ от новгородцев ото всяких людей, чтоб послы королю крест целовали" ³⁾. Но в грамотах, привезенных им от митрополита Исидора и князя Одоевского, о крестном целовании королю не говорилось, а предписывалось действовать „по старому наказу и смотря по тамошнему делу", другими словами — оставаться на прежних позициях и не соглашаться на унию. Поэтому новгородские послы не поверили словам Пристальцева, и „отказали" шведам в их требованиях о присоединении Новгорода к Швеции. Так провалилась первая попытка шведов добиться от новгородцев согласия на присоединение Новгородского государства к Швеции. Тут законно поставить вопрос: почему те же самые новгородские верхи, во главе с Исидором и Одоевским, которые в 1611 г. впустили шведов в Новгород, теперь начинают оказывать им сопротивление.

Ответ на этот вопрос обычно искали в том, что шведы стали брать громадные поборы с новгородских жителей, всячески их притесняли, разоряли церкви и т. д. Но до весны 1614 г. шведы держались по отношению к новгородцам осторожно, не желая вызывать недовольство, в связи с предстоящими переговорами о королевиче. Налоги брали не выше прежних, а Де-ла-Гарди следил, чтобы его войска не обижали население ⁴⁾.

Таким образом надо искать другое объяснение причин, вызвавших первый отпор новгородских верхов новым притязаниям шведов. Вне всякого сомнения, что поворот в отношении к шведам в среде новгородской знати был вызван общим изменением положения в Московском государстве. Если в 1611 году, в момент наибольшего ослабления государства, многим казалось, что восстановить положение можно будет только с помощью шведов, то

¹⁾ О переговорах в Выборге см. у Г. В. Форстена. Ж. М. Н. Пр. 1889 г. Как он, так и Г. Замятин, ошибочно полагают, что главным вопросом при переговорах был вопрос об избрании королевича русским царем.

²⁾ Отписка Киприяна в Новгород, Доп. к Акт. Ист. Т. II. № 11.

³⁾ Показание новгородца Филатова — ГАФКЭ. Шв. д. 1614 г. № 1, л. 11.

⁴⁾ Об этом свидетельствуют его письма, сохранившиеся в ГАФКЭ. Шв. д. 1613.

к осени 1613 г. так думать не мог даже самый недалекий из новгородских землевладельцев.

Мощный подъем народного движения смел польских интервентов, для помещиков миновала непосредственная опасность со стороны крестьянского движения, правительство Романова укреплялось. Все это отразилось на отношении к шведам новгородского дворянства, духовенства и купечества. О ремесленниках и крестьянстве говорить не приходится; они и в 1611 году показали, как надо бороться со шведской интервенцией. Общій подъем национальных чувств, так ярко проявившийся во время боев за Москву, в объединении сил второго ополчения и казачества, не мог не захватить и населения оккупированной шведами территории. Летом 1613 г. в ряде мест против интервентов вспыхивают восстания, в результате которых шведские войска были выбиты из Тихвина и Гдова. Развертывается партизанское движение, о чем свидетельствует сам факт перехватывания писем, посылаемых Де-ла-Гарди в Швецию. Наконец, принимает массовый характер уход из Новгорода к Москве дворян, детей боярских и крестьян. В связи с этим Де-ла-Гарди стал брать со служилых людей особые „поручные записи", по которым поручители ручались своими головами, что такому-то „без государеву указу из Новгорода никуда не отъезди и не изменить, и живучи в Новгороде в миру никаких смутных речей никому не говори и не вмести" ¹⁾. Поручителей шведы требовали большое количество и не только из дворянства, но и из посадских людей, имевших свои дворы в Новгороде. Так, за одного князя Ефима Мышецкого, который был, по видимому, противником шведов, или собирался отъехать в Москву, ручалось пятьдесят два человека, среди которых мы находим ряд самостоятельных ремесленников-хозяев: „да яз Василий Тихонов сын портной мастер, живу на Маницине своим двором... да яз Семен Фаддеев сын красильщик, живу на Щитной своим двором" и др.

Так расширяется фронт борьбы против шведских интервентов. Шведы же, не добившись в Выборге от посольства Киприяна согласия на унию, решают получить его непосредственно в Новгороде. Еще 12 января Киприян писал из Выборга, что по указу Густава „идет в Великий Новгород к Новгородскому государству полномочный великий посол Индрик Горн Карлусович, на большой на полный договор с Новгородским государством" ²⁾. И, действительно, в конце января Горн приехал в Новгород и, собрав у митрополита „новгородский собор", т. е., духовенство, воевод, дворян, и дьяков, а также купцов и представителей ремесленников, вместе с Де-ла-Гарди попытался склонить их к присяге Густаву-Адольфу.

¹⁾ Доп. к Акт. Ист. Т. II. № 9.

²⁾ Там же, № 11, в письме Киприяна, вероятно, описка: в Новгород поехал не Индрик Горн, или, как произносили русские, Индрик, а Эверт Горн.

Посмотрим, какими аргументами они пытались воздействовать на новгородцев¹⁾.

Прежде всего Де-ла-Гарди и Горну надо было обосновать отказ Карла-Филиппа занять Новгородский престол. Поскольку шведы теперь стремятся к полному присоединению Новгорода к Швеции, пункт договора 1611 г. об образовании независимого Новгородского государства с шведским королевичем в качестве новгородского великого князя был для них уже невыгоден. Именно поэтому, как мы уже отметили выше, Карл-Филипп в Выборге отказался занять Новгородский престол, чем по существу договор был нарушен шведами. Но как в Выборге, так и в Новгороде, шведы, конечно, пытались объяснить отказ Карла-Филиппа другими причинами и представить дело так, что нарушили договор не шведы, а русские; ссылались при этом на избрание в Москве царем Михаила Романова и отъезд многих новгородцев из Новгорода к Москве, в результате чего возможна война, а „Новгородское государство само слишком мало, чтобы защищать его принц. милость и себя самого“.

Изложив так причины отказа Карла-Филиппа, Де-ла-Гарди поставил новгородцам вопрос: „как они теперь думают относительно его королевского величества и Шведской короны... и думают ли они еще оставаться под покровительством и защитой его величества короля?“.

Присутствующие новгородцы ответили, что избрание Михаила Романова в Москве и отъезд некоторых новгородцев не означает нарушения договора и что они остаются верны своей присяге Карлу-Филиппу, и, в свою очередь, задали вопрос, почему от них требуют нарушения этой присяги.

Тогда Горн заявил, что Карл-Филипп отказался от прав на Новгород в пользу своего брата Густава-Адольфа, который и до этого нес большие расходы по защите новгородцев от всяких врагов, „и теперь его королевское величество не намерен их оставить, но снова хочет принять Новгородское государство под свою королевскую защиту и покровительство, если только они добровольно соединятся и свяжутся с его кор. величеством и Шведской короной присягой и крестным целованием на вечные времена“. Чтобы смягчить впечатление от такого заявления, он добавил: „но они не должны так понимать, как будто бы его королев. велич. желало сделать их крепостными рабами Шведской короны, но они останутся свободным народом, который отныне, как было до сих пор, будет со Швецией под одним королем, но сохраняя свою веру, права и привилегии, как Литва с Польшей“.

Но перспектива быть „свободными“ под властью шведского короля не прельстила новгородцев и они опять отказались присяг-

¹⁾ Содержание выступлений Де-ла-Гарди и Горна на новгородском соборе 26 января (по некоторым источникам, 27 янв.) и ответов новгородцев наложено в памяти Де-ла-Гарди Густаву, напеч. в VI в. Сб. Н. О. Люб. др. Стр. 3-12.

нуть королю, ссылаясь, что уже ранее присягали королевичу и не хотят заслужить славу клятвопреступников¹⁾. Помимо этого они указали, что и для самих же шведов такая присяга дает отрицательные результаты, поскольку откроет москвичам глаза на характер политики шведов, так как „когда узнают москвичи, что Новгородское государство... вынуждено принести такую присягу, то они благодаря этому еще более будут оправдываться в своих несправедливых поступках, и (говорить), что они поступили справедливо и умно, что были осторожны и не тотчас присоединились к его княжеской милости, так как они может быть с самого начала оценили, что их хотят посредством его княжеской милости присоединить к Шведской короне, в чем они теперь видят бросающийся в глаза пример в Новгородском государстве“.

Это место ответа новгородцев звучит так, что они очень сожалеют о том, что сами только теперь раскусили существо шведской политики в вопросе о создании „независимого Новгородского государства“, но уж больше на такую удочку не попадутся.

На шведов этот аргумент не подействовал. Для них теперь вопрос о том, понимают ли в Москве их политику или нет, не имел существенного значения, так как надежда на избрание Карла-Филиппа русским царем была уже давно и окончательно потеряна. Поэтому Де-ла-Гарди и Горн решили прибегнуть к угрозам и запугиванию, заявив, что если новгородцы „раздражат“ своим дурным поведением Густава, то-есть, откажутся от присяги, то он не только не будет защищать их от якобы готовящегося нападения поляков, но и сам явится „с большим войском“, и тогда новгородцы, не имея сил для войны „с двумя могущественными государями, должны будут „опасаться конечной гибели“.

Но и эти угрозы не подействовали. По словам Филатова, новгородцы, услышав такое требование Де-ла-Гарди и Горна, „с великим шумом отказали, что им всем хотя помереть, а королю креста не целовать, а от Московского государства, от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всея Руси отлученными им не быть“²⁾.

Так окончилась неудачей миссия Горна. Нас не должно смущать, что основным аргументом новгородцев против присяги Густаву была их присяга Карлу-Филиппу, в своей верности которому они всячески старались убедить Де-ла-Гарди и Горна. Это несколько не противоречит по существу словам Филатова, так как тогда стоял вопрос только так: если не за Густава, то за Михаила; другими словами — или за Швецию или за Москву. На практике существование особого „независимого Новгородского государства“, конечно, было невозможно, и новгородцы, отказывая Густаву под

¹⁾ По всей вероятности, судя по показаниям как этого документа, так и письма новгородцев Густаву, помещенном в Доп. к Акт. Ист. Т. II, № 21, их в середине 1613 г. заставили целовать крест персонально-Карлу-Филиппу в связи с получением известия о посадке его в Выборг,

²⁾ ГАФКЭ. Шв. д. 1614 г. № 1, Б. 13.

предлогом верности Карлу-Филиппу, тем самым голосовали за Москву. Иронией истории пункт договора 1611 г. о „независимом Новгородском государстве“ и их присяга Карлу-Филиппу стали служить новгородцам тем щитом, при помощи которого можно было не только отражать напор шведов в вопросе о присяге Густаву, но и самим переходить в контратаку, бросая им обвинения в нарушении „крестного целования“, о святости и нерушимости того же договора 11-го года. Конечно, такой щит мог сослужить известную службу только в словесных дебатах, когда шведы еще не прибегали широко к провокациям и открытому насилию. Когда же они стали использовать и эти методы „уговоров“, тогда понадобился щит более надежный, и он был найден в глубокой преданности широких слоев новгородского населения к своей отчизне.

* * *

Новая попытка склонить новгородцев к присяге Швеции была предпринята 31 июля. Перед отъездом в Нарву к королю Густаву Де-ла-Гарди в соборе ж говорил преосвященному Исидору митрополиту и всему освященному собору да боярину и воеводе о том же, что наперед сего говорил Эверт Горн Карлусович¹⁾. По всей вероятности ответ он получил тот же, что и в январе, так как затем по дороге в Нарву, встретив в Заречье возвращавшихся из Выборга Киприяна и остальных членов посольства к королевичу, Де-ла-Гарди передал через них письмо своему заместителю в Новгороде Мортенсону, в котором предлагал последнему заставить новгородцев присягнуть Густаву. Да и новгородским послан он „приказал, приехав в Великий Новгород, говорить преосвященному Исидору митрополиту да боярину и воеводе князю Ивану Никитичю, и всяких чинов людей новгородского государства, чтобы всякие люди в Великом Новгороде, по прежним их бояр Якова Пунтусовича да Эверт Горна Карлусовича речем, для тишины и покоя христианского, ныне во время целовали крест велеможному и высокороженному князю и государю Густаву-Адольфу Карлусовичу“²⁾.

На основе письма Де-ла-Гарди Мортенсон потребовал от новгородского собора дать согласие на присягу Густаву. Видя все усиливающееся давление шведов, новгородское дворянство и духовенство решили опереться на массы и добились от Мортенсона разрешения провести в Новгороде плебисцит по вопросу о присяге Густаву, „чтоб о таком великом царственном деле посоветоваться с гостями и земскими людьми, и взять бы у всяких людей о том письмо, за их и за отцов их духовных руками. И пятиконечным старостам Докучаю Сласнищину с товарищи допросити тотчас, не мешкая, о том в Великом Новгороде, во всех улицах и слободах, у гостей и у улицких старост, и у посадника и жи-

¹⁾ Доп. к Ак. Ист. Т. II, № 20.

²⁾ Там же.

лехких и у всяких людей: вельможному и высокороженному князю и государю Густаву-Адольфу Карлусовичу крест целовати от всяких чинов люди хотят ли, или в прежнем крестном целовании хотят быти и служити потому прежнему пресветлейшему и высокороженному государю своему королевичу и великому князю Карлу-Филиппу-Карлусовичу?“³⁾.

Результаты этого своеобразного плебисцита оказались для шведов плачевными. Несмотря на наличие в Новгороде шведского войска, на опасность суровых репрессий по отношению к тем, кто голосовал бы против, новгородцы „с женами и малыми детьми причастилися и к смерти изготовилися“ и все же проголосовали против — „изо всех улиц старосты вынесли выносы за руками, что всем помереть, а королю креста не целовать“³⁾.

В это же время новгородцы, пытаясь склонить Густава к отказу от дальнейших попыток привести их к присяге на его имя, посылают к нему челобитную³⁾. В ней новгородцы доказывают, что с их стороны не было нарушения договора 1611 г., что они целовали крест Карлу-Филиппу и продолжают считать его своим князем, а поэтому и у шведов также нет основания нарушать договор и свою присягу. Вот основное место из челобитной: „мы хотим сго по своему крестному целованию, его пресветлейшего держимся и служити хотим верно, и бьем челом и просим королевское величество со слезой, чтоб вашему королевскому величеству, по своему природному и благонравному обычаю пожаловати, умило-сердитесь над нами, велети учинити нам всяких чинов людей Новгородского государства по утвержденным записям, как договорился и укрепился с Новгородским государством вашего королевского величества бояре и воевода Яков Пунтусович Де-ла-Гарди святым евангелием с клятвою и утвержденными записями за руками и за печатями, что было Новгородского государства и городов и уездов под Шведскую корону не подводити“.

С этой челобитной поехал к королю в Выборг сын Ивана Никитича Одоевского Иван с дворянами. Они были приняты Густавом, который, несмотря на челобитную, лично пытался склонить их к присяге. „А как де брат королевичев свейской Адольф король был после того в Ругодиве, и из Новгорода ездил к королю боярин князь Иван Одоевский и дворяне, а он, Яков Боборыкин, был же в те поры в Ругодиве с боярином со князем Иваном Одоевским, и король де сам им говорил, чтоб оне всем Новгородским государством целовали крест ему, свейскому королю, и были под его обороною под Свейскою короною. И они де королю о том отказали и говорили против того королю и его боярам, сколько им бог помочи подал, а на королеву они ни на которую волю не подались“⁴⁾.

¹⁾ Там же.

²⁾ ГАФКЭ. Шв. д. № 2, л. 149. Показания Киприяна в Москве.

³⁾ Челобитная опубликована в Д. к Ак. Ист. Т. II, № 21.

⁴⁾ ГАФКЭ. Шв. д. 1616, № 2.

Так освещает этот эпизод Боборыкин, будучи в Москве с посольством Киприяна.

В письменном ответе новгородцам Густав даже не упоминает о просьбе новгородцев, не подводит их под „Свейскую корону“, а представляет их челобитную так, будто они просили о сокращении поборов. При этом Густав называет митрополита Исидора своим богомольцем, Одосвского своим королевским боярином, а в конце письма пишет, что облегчение налогов станет возможным только после заключения мира с Москвой: „тогда вы нашу королевскую великую милость и отеческое попечение о вас всем делом знатно увидите“¹⁾. Как видно отсюда, Густав ясно давал понять новгородцам, что он считает их своими подданными и не допускает даже мысли о возможности иного положения. В этом же письме к новгородцам Густав упоминает о временном назначении на место Де-ла-Гарди в Новгород Эверта Горна, которому будто бы приказал, „чтоб он вас пощадил, сколько можно и время подаст, до тех мест, как господь бог землю к миру и соединению поможет“.

Но из писем Горна мы узнаем, что на самом деле задание ему от Густава было совершенно иным и заключалось в том, чтобы любыми мерами, подкупом и открытым насилием, заставить новгородцев присягнуть Швеции. Об этом же свидетельствуют и действия Эверта Горна в Новгороде.

В письме к Густаву от 12 декабря 1614 г. Горн пишет: „я не могу всеподданейше и покорно скрыть, что с тех самых пор, как прибыл сюда в Новгород, я в высшей степени стараюсь уговорить важнейших (новгородцев) на то, чего желает от них Ваше королевское величество, но почти никто на это не склоняется, но напротив владычество их собственных земляков так сильно им по душе, что они все сговорились лучше лишиться жизни, чем отделиться от Московского государства“²⁾. Я еще не передал им письма вашего королевского величества и точно также не опубликовал высказанное. Вашим королевским величеством желание, так как еще мешает недостаток войска, но через несколько дней думаю я собрать их вместе и с величайшим старанием предложу им это дело“.

Как видно, Горн, хотя и опасался открытого восстания новгородцев в ответ на новую попытку заставить их отделиться от Московского государства, но все же решает ее осуществить при наличии достаточного количества войска. Такие упорные попытки добиться присяги от новгородцев объясняются тем большим значением, какое она имела бы при предстоящих мирных переговорах³⁾.

¹⁾ Д. в Акт. Ист. Т. II, № 24.

²⁾ Разрядка моя.

³⁾ Густав еще весной 1614 г. стремится к заключению выгодного для него мира с русскими, о чем свидетельствует его инструкция Э. Горну от 22 апреля. Напечатана в Сб. Новг. Общ. А. др. В. V. Стр. 36.

В инструкции, данной в октябре 1614 г. своим уполномоченным по ведению мирных переговоров, Густав, будучи уверен в том, что новгородцы до начала переговоров уже присягнули ему, первым условием договора с Москвой выдвигает требование, „чтоб московские земские чины вместе со своим царем и великим князем (если у них имеется таковой) совершенно и на вечные времена отказались и отступились от всех прав, которые некогда имели на Новгородскую землю, и на вечные времена присвоили бы и передали их нам, нашим установлениям и будущим королям Швеции“.

Такое требование шведские послы должны были бы мотивировать тем, что „Новгородская земля, совершенно оставленная москвичами, по своей собственной свободной воле отдалась под наши и Шведского королевства покровительство и защиту и затем присягнула и поклялась нам, как своему государю и королю, и признала себя на вечные времена присоединенной к Шведской короне“¹⁾ (разрядка моя).

А для того, чтобы доказать русским послам факт присяги новгородцев Шведской короне, „наши комиссары должны взять с собой на переговоры нескольких знатнейших новгородцев от каждого сословия, с полномочиями от митрополита и всех земских чинов на отказ от присяги, данной москвичам, и чтобы объявить, что они с этого дня желают на вечные времена подчиниться и быть под властью нашей и наших наследников и будущих шведских королей, как они нам добровольно клялись и присягали“. При этом Густав предусматривал, что русские послы могут посчитать такую присягу новгородцев незаконной, и предлагал своим послам в таком случае сослаться на историю: „Новгород в старину был особым независимым княжеством и имел своего собственного государя, пока великий князь Московский силой и оружием не подчинил его себе, и то самое право, которое они тогда имели присягнуть Московскому великому князю, имеют они и теперь присягнуть нам“.

Конечно, такая ссылка на историю является фильсификацией истории, так как Иван III, присоединяя Новгород, ликвидируя феодальную раздробленность, создавал из отдельных русских княжеств русское централизованное государство, что было в конечном счете в интересах самих же новгородцев; в то время, как Густав стремился захватить новгородские земли тогда, когда Новгород уже стал органической частью Московского государства, а требуемая им от новгородцев присяга означала для них измену своей родине.

Но все же, если бы такая присяга состоялась, она могла создать известное впечатление о „правах“ Густава на Новгород, не столько, конечно, у русских послов, сколько в Англии и Голландии, правительства которых, будучи заинтересованы в скорейшем

¹⁾ Сб. Новг. Общ. А. др. В. V. Стр. 42-43.

заключении мира между Швецией и Московским государством, выделили своих представителей в качестве посредников при ведении мирных переговоров.

В конце декабря или в начале января Горн собирает новгородский „сбор“ и выступает на нем с большой речью о необходимости для новгородцев присягнуть Густаву. Текст речи был дан новгородцам в письменном виде и повидимому составлен еще в Швеции¹⁾.

По сравнению с выступлением Де-ла-Гарди и Горна в январе 1614 года в этой речи Горна приводится ряд новых доводов в пользу присяги новгородцев Густаву. Первым доводом Горн выдвигает довод юридический. Густав-Адольф получил права на Новгород от Карла-Филиппа, который был вправе это сделать, так как ему изменили новгородцы; и с другой стороны — потому, что и до этого Густав „защищал“ Новгород.

Как мы уже отмечали выше, этот маневр с передачей Карлом Густаву прав на Новгород является нарушением самими шведами договора 1611 г. Тем самым шведы вообще теряли на Новгород даже те „права“, которые они получили по этому договору (тоже незаконные, так как договор 1611 г. не был и не мог быть санкционирован Московским правительством).

Зная слабость своего довода о правах Густава, Горн пытается поколебать верность новгородцев Москве освещением в мрачных красках внутреннего и международного положения Московского государства. Помня, что одной из главных причин заключения договора 1611 г. была у новгородской знати боязнь крестьянского восстания, Горн пишет: „казаки в Московской столице сильнейшие и того ради большую власть имеют, по своей воле и по своему мнению чинят“. Напоминая о роли казаков в крестьянской войне, он пытается представить дело так, что, если бы Новгород был занят московскими войсками, то казаки его разграбили бы, а новгородцы оказались бы под властью казачьего правительства. Далее, по его словам, положение Московского государства вообще безнадежно. Московские люди, начав войну против Польши и Швеции, устоять против них не смогут, а только „собя и всю отчину свою в конечную погибель низподвестить хотят“, и уже польский гетман Карл Хоткевич „со своими полки ходят и жгут, мучат и разоряют и без пощады достальных русских людей, где кого изведут, побивают“. Московское же правительство в этой борьбе с поляками и шведами не может рассчитывать на помощь со стороны других государств, хотя об этом и послано к ним посольство, потому что на примере с „помощью“, оказанной Карлом IX Василию Шуйскому, „окрестные государи довольно уразумели, что королевским

¹⁾ Предложение Горна новгородцам опубликовано в Доп. к Акт. Ист. Т. II. под № 12. Датировано оно январем 1614 г., что является ошибкой, так как в тексте упоминаются бои под Бронницами, происходившие в июне 1614 г. Поэтому его надо отнести к концу декабря 1614 г. или к началу января 1615 г., когда Горн, судя по его письмам, требовал присяги от новгородцев.

величеством мало благодарение и воздаяние противу того восприлось“.

Обрисовав таким образом те беды и несчастья, которые ждут новгородцев в случае возвращения Новгорода Москве, Горн пытается противопоставить этому предстоящую им „счастлившую жизнь“ под властью шведского короля. Прежде всего они получат облегчение в налогах и поборах на содержание войска, численность которого будет уменьшена. Свободная беспошлинная торговля с Швецией даст возможность вернуть („возвратити и вынести“) те убытки, которые они понесли теперь не от шведов, а от „московских людей поведения“. Присоединение Новгорода к Швеции не будет означать потерю для новгородцев „свободы“ в том смысле, что они будут „по прежнему в своей христианской вере греческого закону и в древней церковной вольности, а святительскому чину быти также пожалованным его королевским жалованием, по достоинству и всяких чинов людей всем быти в прежних своих вольностях, и суд и расправа также будет всякому по прежнему прямому суду в правду“. Наконец, Горн прибегает к самому вескому аргументу — к угрозе применения суровых репрессий. Он прямо заявляет, что, если новгородцы не принесут присяги Густаву, то будут им „возненавидены и гонимы“, и заканчивает речь так: „рассудить вам то, доколе в Новгородском государстве Свейского королевства ратные люди владеют, что вам от своего начатого крестного целования без вашей конечной погибели отлучились не умети некоторыми делы“.

Как мы видим, для того, чтобы добиться присяги от новгородцев, Эв. Горн в конце 1614 г. прибегнул к самым разнообразным средствам; тут и попытка подкупа отдельных видных новгородцев, тут и ссылки на права Густава, тут и демагогия при освещении положения дел в Москве и обещания всяких благ от Густава, тут и прямые угрозы усиления террора, подкрепленные концентрацией в Новгороде шведских войск.

Вот при каких обстоятельствах пришлось давать новгородскому собору ответ Эв. Горну. Несмотря на все это, находясь во власти шведских интервентов, новгородцы дали должный отпор Эверту Горну; они вновь отказались от унии с Швецией, заявив „вельможному королю и его наследникам свейским королям креста целовать не мочно и под Свейскою короною быти не хотим“¹⁾; под тем предлогом, что уже целовали крест Карлу-Филиппу „и не хотим слыти крестопреступники“, а также, что по договору 1611 г. шведы обязывались „Новгородского государства городов и земли... под Свейскую корону не подводити, и быти межам земли по прежнему, как было наперед сего блаженные памяти при государе царе и великом князе Федоре Ивановиче всеа Руси“. Но этим ответ новгородцев не исчерпывается. Они не только отказали Горну в его требовании, но бросили шведам обвинение в нарушении дого-

¹⁾ Доп. к Ак. Ист. Т. II. № 32.

вора 1611 г., по которому шведы не должны были притеснять православную веру, не вывозить колоколов и пушек в Швецию, не грабить жителей и чинить справедливо суд по русским законам. Все эти статьи шведы нарушили, и новгородцы достаточно убедились в том, как на практике выглядят те „вольности“ и „счастливая жизнь“, которые обещал им Горн. Яркими и гневными словами они характеризуют хозяйничанье в Новгороде шведских интервентов. „И после того утверждения честные обитатели и святые божие церкви от немецких ратных людей до основания разорены и разграблены, и святые иконы образ спасов и пречистые его богоматерь и святых двенадцати апостол и прочих святых опоруганы, расколоты и пожжены, и мощи многие святых из гробов выметаны и опоруганы, и колокола многих церквей и городской большой наряд¹⁾ и всякой вывезли в Свейское государство, и около Новгорода и в Новгородском государстве литовские люди, которые служат здесь королевскому величеству, уездных людей крестьян жгут и мучат и на смерть побивают, и на правежи от ваших приказных людей в налогах без сыску иные на смерть побиты, а иные обессилились и в воду метались, а иные обезвечены и посямест лежат“. Надо было иметь много мужества, чтобы, находясь во власти шведов, бросить им такое обвинение.

Что новгородцы, обвиняя шведов в разорении Новгорода, в издевательствах и насилиях над жителями, насколько не преувеличивали, свидетельствует и сам Эв. Горн. В своем письме к Густаву от 12 декабря 1614 г., говоря о положении новгородцев, он пишет: „хотя у них ничего больше не осталось кроме жизни, и однако их ежедневно бьют и дурно обращаются с ними, так что шесть человек недавно покончили самоубийством, и часть бежала, бросив жен и детей“²⁾. Обвинение шведов в нарушении договора 1611 г. новгородцы в своем ответе опровергают утверждением Горна, будто шведы взяли „мечем“ Новгород тогда, когда он „ни под каким прямым государем и властью не был“. Они ясно и четко заявляют: „а новгородское, государь, государство в то время, как бог покорил государю нашему королевичу великому князю Карлу-Филиппу Карлусовичу, было подвластно, а не особенно, и послушно Московского государства боярам и всей земле..., и никогда и в смутные времена от Московского государства Новгород отлучен особо не бывал“. Этим новгородцы выбили из рук шведов козырь о наличии у шведского короля таких же прав на Новгород, какие получила на него Москва при Иване III.

Весь текст ответа был написан Яковым Боборыкиным и Семеновом Лутохиным и после утверждения его собором; „с собору с тем письменным ответом к Эверт Горну послали его же Якова“, читаем мы в его челобитной к Михаилу Романову³⁾.

¹⁾ Крепостная артиллерия.

²⁾ Разрядка моя. Письмо в Сб. Н. Общ. А. др. В. V. Стр. 38.

³⁾ ГАФКЭ. Шв. Д. 1616 г.

Эв. Горн, рассерженный таким ответом, попытался было прибегнуть к репрессиям. Боборыкина арестовали, а митрополиту и Одоевскому заявили, что их вышлют в Швецию. Когда и это не помогло, Горн меняет тактику. Он решает использовать новгородцев для того, чтобы через них подтолкнуть Московское правительство к началу мирных переговоров.

Как уже было отмечено выше, внутреннее и международное положение Швеции заставляло Густава стремиться к заключению мира с Москвой. Но для него было важно, чтобы предложение о начале переговоров исходило бы от Московского правительства, а не от шведов, чтобы там не поняли так, будто шведы вынуждены „просить о заключении мира“. Поэтому Горн освобождает Боборыкина и предлагает, „чтоб ему, Якову, от себя вмещать митрополиту и боярину и всяких чинов людям Новгородского государства, чтоб Эверт Горну били челом, чтоб он позволил им сослаться с государевыми бояры с Московским государством о мирном постановенье, а того б не объявить, что ему о том говорил Эверт Горн“¹⁾. Для новгородцев в заключении мира между Швецией и Московским государством был единственный выход из того тяжелого положения, в которое они попали. Вследствие этого новгородский „соброр“ охотно пошел навстречу такому предложению Горна и „бил ему челом“ о том, чтобы тот „позволил бы нам всяких чинов новгородского государства людям для доброго посредия меж государств сослаться с вами, бояры, чтоб по милости божией меж государств мирное постановление и тишину и покой и невинныя христианския кровопролития престатие получитьи“²⁾. Горн, конечно, „разрешил“ организацию посольства в Москву, но поставил условием, что, если к празднику пасхи положительного ответа из Москвы не будет, то „Новгородского государства всяких чинов людей Свейского королевства государю королю Густаву-Адольфу Карлусовичу на тот срок крест целовати“³⁾. Выдвигая такое условие, Горн, с одной стороны как бы предсказывает неизбежность присяги новгородцев Швеции, в случае, если посольству не удастся склонить Михаила Романова к переговорам о мире, а с другой — этим самым же подталкивает Московское правительство к скорейшему началу переговоров.

Новгородцы, будучи уверены в том, что им удастся убедить Московское правительство начать переговоры, согласились с условием Горна, и в середине января в Москву было послано посольство во главе с архимандритом Киприяном, Яковом Боборыкиным и Матвеем Муравьевым. Посольство повезло грамоты к московским боярам и духовенству, отредактированные Горном. В них новгородцы просят бояр и духовенство, чтобы они били челом

¹⁾ Там же.

²⁾ Из грамоты новгородцев к московским боярам, посланной с посольством Киприяна в Москву в 1615 г. Новг. Ист. Сб. В. II, стр. 80.

³⁾ Там же.

Михаилу Федоровичу, „чтобы он, государь, с Свейского королевства с вельможным королем Густавом-Адольфом Карлусовичем до этого срока обослалися послы или посланники о добром посредии межобеих государств“. Но помимо этих грамот Киприян привез в Москву челобитную к царю и приговор о целях посольства, составленные тайно от шведов¹⁾, в которых новгородцы просят царя освободить их из-под власти шведов, но не при помощи военных действий, а путем мирных переговоров. Такая просьба вполне понятна: ведь если бы после посольства Киприяна в Москву Московским правительством был бы организован новый поход на Новгород, то шведы безусловно посчитали бы, что новгородцы „навели“ московских людей, объявили бы их изменниками и тогда действительно очень многим из них пришлось бы „от немецких людей злою смертью скончатися“ (так мотивируют свою просьбу новгородцы в челобитной к Михаилу Федоровичу).

Посольство Киприяна было принято в Москве боярами и царем и привезло в Новгород ответные грамоты, в которых бояре писали новгородцам и Эверту Горну о согласии царя на переговоры о мире, но при этом обвиняли Де-ла-Гарди и Горна в измене Василию Шуйскому и в том, что взяли они Новгород при помощи обмана. Такой тон письма послужил Горну предлогом заявить новгородцам, что „на той вашей ссылке от Московского государства некоторое сходительство к созиданию христианского покою не объявилось, но всякая неправильная укоризна явится, потому и впредь некоторого доброго снисходительства от них не чаяти“²⁾, и потребовать от них присяги.

Но новгородский собор опять сослался на прежние свои доводы, как выразился в письме к Густаву Горн: „по большая часть поет свою старую песню“³⁾, и поручил Я. Боборыкину вновь написать ответ. Составленный им отрицательный ответ был утвержден собором, но сначала никто не решался отнести его Горну, который при обсуждении вопроса о присяге Густаву чуть было не заколол шпагой Боборыкина за его выступление против присяги, ясно показав, какая участь ждет смельчака, решившегося принести ему отказ в его требованиях. Наконец, взялся отнести постановление собора сам Боборыкин. По его словам, он шел к Горну, „изготовясь на смерть“. И, действительно, Горн, прочитав решение, велел Якова арестовать, „отдать за немецкие пристава“ и выслать в Выборг, а заодно и еще двух других дворян активных противников шведов — князя Никифора Мещерского и Матвея Муравьева. Архимандрита Киприяна для удобства надзора за его деятельностью задержал в Кремле⁴⁾. Но этим Горн не ограничился. Зная авторитет среди новгородцев

Якова Боборыкина и Матвея Муравьева, он попытался во что бы то ни стало сломить их упорство и заставить принять присягу Густаву. Вот как об этом рассказывает переводчик английского посла Павел Томасов, который в августе приехал из Новгорода в Москву с письмом от посла¹⁾. „А Якова да и Матвея Ивен Горн имал к себе в хоромы по многие дни и говорил им и устраивал многими статьями, чтоб они целовали крест королю, да иных людей на это приводили, как де они с Москвы приехали, всеми людьми замутили, для их новгородцы креста королю не целуют. И Яков и Матвей Ивен Горну в том отказали, что им королю креста не целовати и никому о том не говорить. И Ивен Горн отдал их за пристава“. Но после этого попытки „обработать“ их продолжались. В тюрьму к ним приходил Мортенсон и „говорил многжды, чтобы они целовали крест королю, а они их велят из-за пристава свободити. И Яков да и Матвей в крестном целованьи все отказывали, что им королю креста не целовати, хотя над собою и смерть видеть“. Но наибольшая твердость была проявлена ими в день высылки в Выборг князя Никифора Мещерского, которого Эв. Горн приказал также выслать в Выборг и которого шведам удалось в тюрьме привести к присяге. И вот, „как де Якову и Матвею привели подводы и хотели садиться на лошади (чтобы везти их в Выборг), ажно де пришли к ним от Ивен Горна толмачи Бажен Иванов да Олфер Северин и сказали, что Никифор Мещерский крест королю целует и его оставляют в Новгороде, и, если Яков и Матвей поцелуют крест, то и их оставят“. Но и в этот тяжелый момент Боборыкин и Муравьев не поддались на провокацию шведов и остались верны своей родине. Крест целовать они „отказали“, после чего их „увезли в Выборг, где посадили в тюрьму и морили голодом“. И на этом не кончились попытки шведов привлечь на свою сторону Боборыкина и Муравьева. Тем же летом Густав для подготовки осады Пскова прибыл в Нарву. По его приказанию к нему были доставлены Яков и Матвей. Густав лично сам пытался привлечь Боборыкина на свою сторону, обещая жалованье „свыше всех“ в Новгороде и угрожая в случае отказа смертной казнью. И тут Боборыкин устоял. За упорство Густав велел его казнить потихоньку от русских людей. Спас Якова английский посол Джон Мерик, который узнал о предстоящей казни через сына воеводы Одоенского, бывшего в то время в Нарве, и упрямил Густава отпустить Боборыкина и Муравьева.

Отметим вкратце дальнейшую борьбу со шведами этого стойкого патриота.

В конце 1615 года Де-ла-Гарди, направляясь на съезд с русскими послами, взял с собой Боборыкина с тем, чтобы он засвидетельствовал, что новгородцы не просили Михаила Романова освободить их от шведов (как мы знаем, это было как раз наоборот). Боборыкин, хотя и рисковал жизнью, готовился в таком

¹⁾ Приговор и челобитная хранятся в ГАФКЭ. Шв. д. 1615 г. № 2.

²⁾ Доп. к Акт. Ист. Т. II, № 4, 2.

³⁾ Сб. Новг. Об. Л. др. В. V, стр.

⁴⁾ См. письмо Горна к Густаву от 27 апреля 1615 г. Сб. Н. Общ. Л. др. В. V. Стр. 49.

¹⁾ ГАФКЭ. Шв. д. 1615, № 9, л. 77 — 78.

случае сказать то, что было в интересах родины. Для этого он тайно пишет грамоту Михаилу Романову с просьбой дать указания, что ему говорить на съезде, а „он то и скажет“¹⁾. Но на съезде Де-ла-Гарди не нашел нужным или не рискнул выставить Боборыкина в качестве свидетеля, и последний почти до конца переговоров находился под надзором в лагере шведов. Несмотря на это, он все же сумел связаться с русскими послами и передал им ряд сведений о положении в Новгороде, состоянии шведских войск и планах шведов. Эти сведения в значительной степени были им собраны при помощи шведского переводчика Анца Бракилева, которого Яков привлек на сторону русских. Имел возможность бежать к русским послам, как только начались переговоры, Боборыкин продолжает свою опасную работу до тех пор, пока шведы не напали на след его связей; только после этого он оставляет их лагерь.

Вернемся теперь опять к Новгороду.

Казалось бы, что после неудачи с Боборыкиным Горн должен был отказаться от продолжения попыток привести новгородцев к присяге Густаву, но на самом деле это было не так. Двадцать седьмого мая он опять заводит на соборе речь о присяге и вновь получает отрицательный ответ. Правда, угрозами высылки в Швецию, с одной стороны, и освобождением от налогов — с другой, ему удалось привести к присяге несколько человек купцов, дворян и приказной администрации²⁾, но, по словам того же Павла Томасова, все посадские люди „средние и мелкие“ крепко держались Москвы. Любопытно, что активными сторонниками шведов были такие крупные купцы, как Богдан Шорин³⁾ и псковский купец Федор Емельянов⁴⁾.

Подводя итог изложенному, мы можем констатировать полный провал упорных попыток шведских интервентов добиться согласия новгородцев на унию Новгорода с Швецией: ни террор, ни демагогия, ни подкуп не помогли шведам. Вследствие этого во время переговоров о мире с московскими послами шведские представители не могли и не пытались сослаться в качестве доказательства наличия „прав“ у Густава на Новгород на присягу ему новгородцев, и тем самым их позиция при переговорах была значительно ослаблена.

* * *

Но не только в отказе от унии заключалась борьба новгородцев против интервентов. Выше мы уже показали, какой вооруженный отпор давали шведам широкие массы городских ремесленников и крестьян в начале шведской интервенции, как летом 1613 г. по территории, оккупированной шведами, прокатилась волна воору-

женного восстания, в результате которой шведы были выбиты из Гдова и Тихвина. С тех пор в новгородских уездах не прекращается партизанская борьба против захватчиков. Шведы держались более или менее крепко только в городах. Дороги же были для них далеко небезопасны. Об этом говорит нам большое количество писем шведских начальников, перехваченных партизанами и доставленных в посольский приказ¹⁾. Среди них есть письма Де-ла-Гарди, посланные им из Новгорода в Швецию, Ладогу, Карелу и т. д.; есть даже письма самого короля Густава, которые он посылал из-под Пскова, и письма к Густаву под Псков шведского канцлера Оксенштейна. Сам Де-ла-Гарди в письме к Густаву от 3 ноября 1615 г. пишет: „дорога между в. к. в-ом и нами длинна и небезопасна, так что нельзя надежно посылать никаких одиночных гонцов между нами (особенно теперь, когда псковичи получили свободу передвижения), но все должно делаться с сильным конвоем“²⁾. Дело доходило до того, что, опасаясь партизан, „шишей“, по терминологии шведов, они пробовали посылать письма с крестьянами, но и тут просчитывались. Так, из письма Тихвинского воеводы Вас. Неплюева к царю от 15 ноября 1615 г. мы узнаем, что к нему пришло четверо крестьян и принесли „лист“³⁾, который им дал шведский воевода в Новгороде, предложив за большое вознаграждение доставить его шведскому ротмистру в Ладогу. В письме содержались важные инструкции о действиях против „русских воров“, оперировавших между Тихвином и Ладогой. Бывали случаи, когда перехватывалась не только почта. Так, в декабре 1613 г. казаками было взято в плен посольство Никандра, возвращавшееся из Швеции в Новгород. Имеются сведения о действиях казаков на Волхове в 1614 г., когда им удалось захватить несколько барок с провиантом для шведских войск. В самом Новгороде шведы все время опасались восстания. Многочисленные документы говорят о том, что новгородские ворота тщательно охранялись: вход и выход через них разрешался только по особым пропускам⁴⁾.

Эверт Горн в своих „письменных речах“ к новгородцам пишет: „а можно было также московских людей на подороге встретить, не допусая до Бронницы, только бы на новгородских верность допозна можно было надеяться“⁵⁾.

О случаях вооруженного сопротивления новгородцев сообщает шведский переводчик Арн Бук, перешедший к русским в январе 1616 г. Говоря об ограблении шведами церквей, он сообщил, что одно время в 1615 г. до прихода в Новгород нового отряда швед-

¹⁾ Эти письма хранятся в ГАФКЭ. Шв. д. 1610 — 15 гг.

²⁾ Сб. Н. Общ. А. др. В. V.

³⁾ ГАФКЭ. Шв. д. 1615.

⁴⁾ Доп. к Акт. Ист. Т. II, № 47.

⁵⁾ Там же, № 12. Речь идет о походе на Новгород отряда кн. Трубецкого, который летом 1614 г. дошел до Бронниц.

¹⁾ ГАФКЭ. Шв. д. 1615 г. № 11, л. 24.

²⁾ Там же, № 10, л. 309 — показания бежавшего из Новгорода Третьякова Копкина.

³⁾ Там же, л. 303 — показание казака Иванки.

⁴⁾ Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 г. Стр. 189.

ских войск грабить церкви шведы перестали, так как их „невидимо побивали и для того устрашения имати не смели“¹⁾).

О подготовке ивангородцами вооруженного восстания рассказывал Павел Томасов, „да он де слышал, что ивангородцы многие государю радеют и хотят над Ивангородом промышлять, чтоб государю его доступить без крови, только бы де было, на кого надеяться, чтоб в те поры были государевы люди близко, чтоб можно вскоре послать на прибавку“²⁾). Наконец, существенную роль в деле борьбы с интервентами сыграл отказ крестьян снабжать их продовольствием и фуражом. В письме к королю от 12 декабря 1614 г. из Новгорода Э. Горн пишет: „как только хлеб вымолочен, они сжигают солому, чтоб у нас не хватило корму лошадям. Здесь кругом не заготовлено нисколько сена. Почему я боюсь, что через два месяца немного лошадей останется в живых. Люди болеют и очень тяжело, так как у них тоже ничего нет“³⁾). Надежда на получение продовольствия и фуража от местного населения с каждым месяцем хозяйничанья шведов все уменьшалось, так как крестьяне зачастую поголовно покидали села и деревни и уходили „к Москве“. В донесении Де-ла-Гарди к Густаву от 3 ноября 1615 г. говорится: „явилось новое несчастье: немногие крестьяне, которые еще до сих пор оставались в Старорусском лене (уезде, прим. мое), все до одного убежали к русским, так что, если нам теперь понадобятся какие-либо подводы, мы можем надеяться только на собственных лошадей“⁴⁾). Перспектива владеть страной, где не осталось совершенно сельского населения, и быть вынужденными привозить продовольствие в Новгород из Швеции, настолько не привлекала даже самих шведских воевод, что Де-ла-Гарди, Фридрих Горн, Арфий, Томпсон и Монс Мортенсон написали Густаву о необходимости отказаться от Новгорода, Порхова, Ладуги, Старой Руссы и Гдова, мотивируя свое предложение уходом из этих районов всего сельского населения и невозможности снабжать продовольствием шведские гарнизоны. Густав сначала было не согласился с мнением своих посланцев и попытался было обвинить их в отступлении перед трудностями⁵⁾, полагая, что в Новгород можно будет доставлять провиант для гарнизона из Швеции и что, „хотя многие крестьяне бежали и поселились в других местах, но не может быть, чтобы по крайней мере небольшая часть их не осталась из естественной любви к местожительству своих отцов“. Но, когда он в начале 1616 г. объехал новгородские земли, то свое отношение к мнению Де-ла-Гарди он изменил. Он понял, что при таком отношении населения к шведам им Новгорода в своих руках не удержать. Поэтому Густав при заключении мира вынужден был

¹⁾ ГАФКЭ. Шв. д. 1616, № 1, л. 322.

²⁾ ГАФКЭ. Шв. д. 1615, № 9, л. 84.

³⁾ Сб. Н. Общ. Л. др. В. V. Стр. 39.

⁴⁾ Там же Стр. 82.

⁵⁾ Там же Стр. 85.

вернуть Московскому государству Новгород, Порхов, Гдов, Старую Руссу и Ладугу. Конечно, не следует думать, что только одно сопротивление населения Новгородской области заставило шведов очистить Новгород и ряд других городов. В этом сыграла большую роль и героическая защита Пскова, когда псковичи нанесли серьезное поражение осаждавшему Псков Густаву-Адольфу, заставив его снять осаду. Не надо забывать и влияние дипломатии Михаила Романова, использовавшей противоречия Швеции с Польшей и Англией; имели существенное значение и военные действия отряда Трубецкого и казаков, выступивших против шведов из-под Москвы, но все это не умаляет роли населения Новгородской области в деле ликвидации власти шведов в Новгороде. Своей упорной борьбой с захватчиками новгородцы доказали, что они уже тогда чувствовали себя частью свободолюбивого русского народа, не терпящего власти иноземцев, способного самоотверженно бороться за целостность и независимость своей Родины.